

ДРЕВНИЕ ТАЙНЫ РУССКОГО СЕВЕРА

*С милого севера
В сторону южную*

М.Лермонтов

*Послушайте, да люди добрые,
Я ли вам да старину скажу.*

(из народной песни)

Русский Север – его леса и нивы не топтали орды завоевателей, его свободный и гордый народ в большинстве своем не знал крепостного гнета и именно здесь сохранились в чистоте и неприкосновенности древнейшие песни, сказки, былины Руси. Именно здесь, по мнению многих исследователей, сохранились такие архаические обряды, ритуалы, традиции, которые древнее не только древнегреческих, но даже и зафиксированных в древнеиндийских “книгах знаний” – Ведах, самом древнем памятнике культуры всех индоевропейских народов. О значительной близости славянской и ведической мифологии писал еще в XIX веке А.Н.Афанасьев, который придавал огромное значение схождениям в мифологических сюжетах и обрядовой практике у восточных славян и древних арьев (*Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу...*).

Эти схождения и зримые параллели отмечены в трудах русских историков и лингвистов XIX – начала XX веков; достаточно вспомнить работы А.Х.Востокова, И.И.Срезневского, Вс.Миллера, В.В.Бартольда, Н.М.Гальковского и др. Идея единства истоков народной культуры славян и арьев красной нитью проходит и в работах В.А.Городцова. В последнее время ученые стали ставить вопрос о возможном наличии древней индосла-

вянской общности, которую отличало не только значительное языковое сходство, но и исключительная культурно-хозяйственная близость, сложившаяся в условиях очень длительного совместного обитания.

Так как большинство современных историков считает, что на рубеже II-I тысячелетия до н.э. племена арьев уже находились в северо-западной части полуострова Индостан и в Иране, то естественно предположить, что сходные религиозные представления и мифология арьев и славян должны были сложиться значительно раньше.

Мысль многих ученых была направлена на поиск исходных земель арьев, их прародины (под этим названием следует понимать те земли, где разрозненные родоплеменные группы складывались в племена, вырабатывая в ходе веков сходные взаимопонятные диалекты и языки, которые становились одним из основных признаков формирующихся этносов).

“Славянский язык – это индоевропейский язык в целом сохранивший архаический тип”: отечественный языковед Б.В.Горнунг считал, что предки арьев (индоиранцев) в конце III тысячелетия до новой эры заселяли северо-восток Европы и находились где-то около средней Волги, а другой выдающийся лингвист В.И.Абаев пишет: “Через ряд столетий пронесли арии память о своей прародине и ее великой реке Волге”. (*Абаев В.И. Доистория индоиранцев...*).

Еще в 20-х годах нашего века академик А.И.Соболевский говорил о том, что на громадных просторах европейской России, вплоть до северных областей господствуют названия, в основе которых лежит какой-то древний индоевропейский язык. Он писал в своей работе “*Название рек и озер Русского Севера*”: “Исходный пункт моей работы – предположение, что две группы названий (водных источников, – С.Ж.) родственны между собой и принадлежат одному языку индоевропейской семьи”.

Во II тысячелетии до новой эры в северо-западную Индию и северный Иран со своей восточноевропейской

“прародины” приходят племена скотоводов и земледельцев, именующих себя арьями.

Часть арьев, и не малая, ушла из Восточной Европы на восток в поисках лучшей доли, но трудно представить себе ситуацию, при которой все население значительной части земель своего исходного расселения покинуло бы их. Скорее всего такая ситуация просто невозможна, потому что не выявлено исторических причин, которые могли бы вызвать обязательный всеобщий их (арьев,— С.Ж.) уход из своей “прародины”. Вероятно, часть арийских племен осталась дома, на просторах Восточной Европы, чтобы стать предками некоторых будущих народов этой земли. И нет ничего удивительного в том, что историк П.Н.Третьяков приводит слова академика Н.Я.Марра, который считал, что древняя подоснова славянства не ограничивается, например, Поволжьем, **а простирается далеко на север**, “в те места, которые до последнего времени считались отнюдь не славянскими и занятыми славянами уже на заре так называемого исторического времени”. Древние этнические группы восточно-европейского севера, предшествующие переселению сюда из-за Урала групп финно-угров, Н.Я.Марр называл иногда “северными сарматами” или, что еще интереснее, “руссами”. (*Третьяков П.Н. Некоторые вопросы этногоники...*)

Из юго-восточной Европы, с причерноморских земель уходили (как считают почти все историки — причина ухода была наступившая засуха) тысячелетия назад племена арьев, чтобы обрести новую родину в Индии и Иране (правильно: Арьяна — “Земля арьев”). Уходили и уносили с собой свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, своих древних богов. На новой для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародине. Хранили свою и нашу память! Россия не может познать себя без помощи познания корней своего прошлого; а не познав себя, невозможно познать других и учесть свои положения среди других.

В 1903 году в Бомбее была впервые издана книга со странным и интригующим названием *“Арктическая родина в Ведах”*. Автор ее, замечательный ученый Бал Гангадхар Тилак, посвятил всю свою жизнь исследованию культуры родного народа. Тилак долго и тщательно изучал древние предания, легенды и священные гимны, рожденные в глубинах тысячелетий далекими предками индоарьев и иранцев. И вот, суммировав те странные явления, которые были описаны в священных книгах индийцев (Ведах) и иранцев (Авесте), Б.Тилак пришел к выводу, ошеломившему его современников: родина предков индоиранцев (т.е. ариев) находилась на севере Европы, где-то около Полярного круга.

Книга произвела на многих современников писателя впечатление разорвавшейся бомбы. Кто-то считал это добросовестным заблуждением, кто-то — сказкой, а кое-кто и фальсификацией. И уж никак не укладывалось в голове, каким образом север Европы мог быть “благодатным краем”, а ведь именно таким описывали его гимны Ригведы, самой древней из Вед.

Но в общем гуле недоверия раздавались и другие голоса, голоса тех, кто поверил Тилаку и также пошел в поиск по предложенному индийским ученым пути. Результаты не замедлили сказаться и вслед за книгой Тилака вышла в 1910 году еще одна работа — книга русского ученого Е.Елачича *“Крайний Север как родина человечества”*.

Как и в работе Б.Тилака, в книге Е.Елачича приводятся многочисленные выдержки из древних текстов Ригведы и Авесты, объяснить которые могла бы только “северная” гипотеза их происхождения. (Рис. 10) Надо сказать, что Веда (Знание) — гимны, мифы, описания обрядов, молитвы в течение многих тысячелетий передавались из поколения в поколение преимущественно в родах жрецов, а время возникновения самых древних частей Веды никому не известно, оно может относиться к 4-5 тысячелетию до новой эры, т.е. к тому времени, когда (как считают некоторые историки) распалась балто-

славянская общность. Датировка этого распада сама по себе указывает на факт существования славянства в ту далекую эпоху.

Созданные в глубокой древности общими предками славянских и индоиранских народов гимны Вед, наряду с древнеиранской Авестой, считаются одним из древнейших памятников человеческой мысли.

Так какие же многие факты, сохраненные в мифах, преданиях, молитвах и гимнах, свидетельствуют о том, что это описания тех природных явлений, которые, конечно же, не могли возникнуть в Индии? Только в приполярных широтах во время полярной ночи видно, как звезды описывают около стоящей неподвижно Полярной звезды свои суточные круги, создавая иллюзию круга неба над кругом земли, скрепленных как колеса с неподвижной осью.

В гимнах Ригведы и Авесты говорится о том, что на родине арьев полгода длится день и полгода ночь, а "год человеческий — это один день и одна ночь богов".

Естественно, жизнь вдали от Северного полюса не могла породить представления о долгой полярной ночи и о дне, длящемся полгода. Как не могли люди, живущие вдали от севера, воспеть зарю такими словами:

По правде, это было много дней,
В течение коих до восхода солнца
Ты, о заря, была видна нам!
Многие зори не просветлились до конца,
О, дай, Варуна, нам зори до света прожить.

Здесь певец древнего гимна Ригведы обращается к могущественному владыке небесного океана, хранителю космического закона и правды на земле богу Варуне с просьбой помочь пережить длинную **многодневную зарю** и дожить до **дня**. Он просит:

О, дай нам, длинная темная ночь,
Конец твой увидеть, о ночь!

Интересно, что и в Ведах и в Авесте сохранились воспоминания о полярной ночи, которая длится 100 дней в году. Так в индийском богослужении есть обряд подкрепления бога-воина и громовержца Индры ритуальным хмельным напитком “сомой” во время его борьбы за освобождение солнца от плена, которая длится сто суток. В древнеиранской Авесте, где также рассказывается о борьбе бога-воина Тшитриса за солнце, жрецы подкрепляют его питьем **сто ночей**. Надо сказать, что предание о борьбе за освобождение солнца от долгого плена, идея которой могла быть внушена лишь полярной **ночью**, часто встречается по всей мифологии Вед.

В древних индийских преданиях, на которые обратили свое внимание Тилак и Елачич, есть очень интересные описания полярного сияния, которое представлялось людям то блеском битвы богов света с демонами тьмы, а то и явлением самого верховного божества на земле. Вот его сюжет:

Однажды великий мудрец и подвижник Нарада (стоит заметить, что высочайшая вершина полярного Урала звалась до 1920-х гг. так же — Нарада) отправился на берег Молочного моря и оттуда на северо-запад, где находился большой остров, названный Шветадвипа — “Белый, светлый остров”. Достигнув этого острова, где обитали “светлые, сияющие подобно месяцу, люди” он воздел руки к небу и стал призывать в молитве верховного бога, восхваляя его тайными именами. И тогда на призывы Нарады “зримый во вселенском образе”, явился Бог, который был “как бы подобно месяцу духовно чистый, и, вместе с тем, как бы вполне от месяца отличный. И как бы огнецветный, и как бы мысленно мелькнувшее звезды сиянье; как бы радуга, и как хрусталя искристость, как бы иссиня-черный мазок, и как бы золота груды. То цвета ветки коралла, то как бы белый отблеск здесь золотоцветный, там подобный бериллу; как бы синева сапфира, местами — подобный смарагду, местами подобный жемчужной нити. Так многообразные цвета и образы принимал Вечный Святой стоголовый, тысячего-

ловый, тысячеокий, тысячечревный, тысячерукий, а местами — незримый” (*Махабхарата. Вып. V, кн. 2*).

Сравним это древнее описание с тем, что пишет о полярном сиянии в конце XIX века С.В.Максимов: “Я был прикован глазами к чудному, невиданному зрелищу, открывавшемуся теперь из темного облака. Оно мгновенно разорвалось и мгновенно же засияло ослепительными цветами, целым морем цветов, которые переливались из одного в другой, и как будто искры сыпались бесконечно сверху, искры снизу, с боков... Вот обольет всю окольность лазоревым, зеленым, фиолетовым, всеми цветами красивой радуги, вот заиграют топазы, яхонты, изумруды.” (*Максимов С.В. Год на Севере.*)

Не правда ли, удивительно похожи эти описания, разделенные многими тысячелетиями?

Вероятно, именно как непостижимое, чудесное явление верховного божества поклонившимся ему людям, жителям приполярных областей Европы, где только и можно на побережье Белого и Баренцева морей увидеть такое яркое и многокрасочное зрелище, так как ближе к полюсу северное сияние более однообразно, а южнее — вообще явление крайне редкое.

С.В.Максимов отмечает, что на побережьях Белого и Баренцева морей “сполохи” сопровождаются *производительным звуком*. Такое явление характерно именно для этих широт и не встречается больше нигде. Это указание неоднократно встречается в описаниях путешественников и исследователей арктических областей.

Но не только на непрерывную ночь, но и на непрерывный день имеются указания в Ведах. Вблизи полюса наблюдается, как солнце, поднявшись на определенную высоту над горизонтом, останавливается, стоит на месте и затем идет назад. В Ведах говорится: “Свою колесницу бог Солнца остановил посредине неба”. Этот образ невозможно объяснить иначе, кроме как тем, что движение солнца наблюдалось в северных широтах.

Н.Р.Гусева в ряде своих работ подчеркивает, что: “Со времен пребывания арьев в Заполярье лунный ка-

лендарь играл решающую роль в исчислении месяцев... В полярных областях луна в дни полнолуния проходит через “точку севера” 13 раз в год, а значит, и весь год делится на 13 лунных месяцев... В Ригведе и других памятниках древней литературы луне посвящено столько гимнов и столько предписаний с ней связано, что до сих пор в сознании жителей этой страны (Индии – С.Ж.) культ луны занимает первенствующее место по сравнению с культом солнца – даже многотысячелетнее занятие земледелием не смогло поколебать это соотношение...” (Гусева Н.Р. *Глубокие корни.*)

Среди удивительных феноменов земли арьев, описанных в Ведах и Авесте, есть один, исключительно важный, который уже почти столетие привлекает к себе самое пристальное внимание исследователей – это священные горы прародины арьев: Меру в индийских преданиях, Хара – в иранских.

Вот что поведали о них древние предания:

На севере, где находится “чистый, прекрасный кроткий, желанный мир”, в той части земли, которая “всех других прекрасней, чище”, обитают великие боги:

Кубера, бог богатства, семь мудрецов сыновей бога-творца Брахмы, воплотившихся в семь звезд Большой Медведицы, и, наконец, сам владыка Вселенной Рудра-Хара, “носящий светлые косы”, “камышеволосый, русобородый, лотосоголубокий всех существ Предок” (*Махабхарата. Выпуск V, кн. I, глава 280*). Для того, чтобы достичь мира богов и предков, надо преодолеть великие и бескрайние горы, которые протянулись с запада на восток. Вокруг их золотых вершин свершает свой годовой путь солнце, над ними в темноте сверкают семь звезд Большой Медведицы и расположенная неподвижно в центре мироздания звезда Дхрува.

С этих гор устремляются вниз все великие земные реки, только одни из них текут на юг, к теплому морю, а другие – на север, к белопенному океану. На вершинах этих гор шумят леса, поют дивные птицы, живут чудесные звери. Но не дано простым смертным всходить на

них, лишь самые мудрые и смелые преступали этот предел и уходили навеки в блаженную страну предков, берега которой омывали воды Молочного океана.

Горы, отделяющие север и белопенное море от всех остальных земель, названы в гимнах Веды хребтами Меру, а величайшая из них — Мандарой. В Авесте это горы Хара с их главной вершиной горой Хукарья. И также, как над горами Меру, над Высокой Харой сверкают семь звезд Большой Медведицы и Полярная звезда, поставленная в центре мироздания. Отсюда, с золотых вершин Высокой Хары, берут начало все земные реки и величайшая из них — чистая река Ардвиги, ниспадающая с шумом в белопенное море Ворукаша, “имеющее широкие заливы, широко изрезанное”. Над горами Высокой Хары вечно кружит “быстроходное” солнце, полгода длится здесь день, а полгода — ночь. И только самые смелые и сильные духом могут пройти эти горы и попасть в счастливую страну блаженных, омываемую водами белопенного моря-океана.

О великих северных горах писали и древнегреческие авторы, которые считали, что эти горы, названные ими Рипейскими, протянулись с запада на восток, по всему северу Европы и были северной границей Великой Скифии. Так они изображались на одной из первых карт земли — карте VI века до н.э. Гекатея Милетского. О далеких Северных горах, протянувшихся с запада на восток, писал “отец истории” Геродот (*Геродот. История в девяти книгах.*). Сомневаясь в невероятной, фантастической величине Рипейских гор, и Аристотель тем не менее верил в их существование, был убежден, что к северу земля поднимается, так как солнце там ниже, чем на юге, и с этих гор стекают все самые большие реки Европы, кроме Истры-Дуная. Такое убеждение подкреплялось вполне логичным выводом о том, что реки всегда текут с гор вниз и никогда не текут вверх в горы. За Рипейскими горами, на севере Европы, помещали древнегреческие и древнеримские географы Великий Северный или Скифский океан.

Вопрос о том, где же находятся эти горы, долгое время никак не разрешался. Было высказано предположение, что создатели Авесты и Ригведы воспевали в своих гимнах хребты Урала. Да, действительно, Уральские горы находятся на севере по отношению к Индии и Ирану.

Да, богат Урал золотом и самоцветами, далеко к замерзающему северному морю протянулся он. Но только и Авеста и Ригведа и античные историки постоянно повторяли, что священные Хара и Меру, — Рипейские горы протянулись с **запада на восток**, а Урал ориентирован строго с **юга на север**. Все — и Авеста, и Веды, и Геродот, и Аристотель утверждали, что Великие северные горы делят землю на **север и юг**, а Урал — граница **запада и востока**. И, наконец, не берут начало с Урала ни Дон, ни Днепр, ни Волга, не являются отроги Урала той границей, где разделяются земные воды на текущие в белопенное северное море и впадающие в южное море. Так, что Урал, видимо, не разрешил древнюю загадку. Однако здесь не все так просто. Дело в том, что привычный для нас сегодня единый Уральский хребет стал называться так, как многие считают, только с середины XVIII века (от башкирского названия южного Урала — Уралтау).

Северная же часть Уральских гор издавна называлась Камнем или Земным поясом. В отличие от Южного Урала, протянувшегося с севера на юг в меридианальном направлении, приполярный Урал, где отдельные вершины поднимаются более чем на 1800 м над уровнем моря, а общая ширина горной полосы достигает 150 км (на 65° с.ш.), имеет **северо-восточное** широтное направление. От так называемых “трех камней” отходит Тиманский кряж, который лежит на одной широте и — что крайне важно отметить — объединяется с Северными Увалами, возвышенностью, протянувшейся с **запада на восток**. Именно здесь, на *Северных Увалах*, находится **главный водораздел бассейнов северных и южных морей**.

Выдающийся советский ученый Ю.А.Мещеряков называл Северные Увалы “аномалией Русской равнины”

и, говоря о том, что более высокие возвышенности (Среднерусская, Приволжская) уступают им роль главного водораздельного рубежа, делал следующий вывод: “Среднерусская и Приволжская возвышенности возникли лишь в новейшее (нео-генчетвертичное) время, когда Северные Увалы уже существовали и были водоразделом бассейнов северных и южных морей”. И даже более того, во времена каменноугольного периода, когда на месте Урала плескалось древнее море, Северные Увалы уже были горами.” (*Мещеряков Ю.А. Рельеф СССР.*)

Северные Увалы – главный водораздел рек севера и юга, бассейнов Белого и Каспийского морей – находится там, где на карте Птолемея (II век н.э.) помещены Гиперборейские (или Рипейские) горы, с которых на этой карте берет начало Волга, названная древним авестийским именем Ра или Рха. Но по древнеиранской традиции исток этой священной реки находится на горах Высокой Хары, на “золотой вершине Хукарья”. И здесь стоит привести сообщение арабского ученого Ал-Идриси (XII в.) о горах **Кукайя**, которые он в своей “Географии” помещает на крайнем северо-востоке Европы, и которые аналогичны Рипейским горам античных географов, а также горе **Хукарья** Авесты. Ал-Идриси, рассказывая о горах Кукайя, с которых берет начало река Русиййа, отмечает, что в “упомянутую реку Русиййа впадает **шесть** больших рек, истоки которых находятся в горах Кукайя, а это большие горы, простирающиеся от моря Мраков до края обитаемой земли... это очень большие горы, никто не в состоянии подняться на них из-за сильного холода и постоянного обилия снега на их вершинах”. (*Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.)...*)

Обратимся к словарю Брокгауза и Ефрона (т. VII, 1892 г.). Здесь говорится о том, что на северо-восточной окраине Вологодской губернии горные хребты нигде не достигают до линии вечного снега, но благодаря их северному положению, нередко снег не сходит с них круглый год. На северных склонах мощность снега к концу марта достигает 3,5-4 метров. И если священные горы

Хара и Меру и Северные Увалы (в комплексе с приполярным Уралом) одно и то же, то найти шесть рек, о которых писал Ал-Идриси, несложно. В Волгу (Русийю) действительно впадают берущие начало на Увалах крупные реки: Кама, Вятка, Унжа, Кострома, Шексна. И если считать (как считали древние) истоком Волги Каму, то начинается собственно Волга-Рга (Рха) Птолемея и Авесты действительно с Северных Увалов. С них же берет начало и величайшая из рек Русского Севера – могучая и полноводная Северная Двина, впадающая в Белое море и имеющая около “тысячи притоков”.

В Авесте есть гимн, воспевающий священную реку арьев Ардвисуру, впадающую в белопенное море. Ниже приводится фрагмент этого гимна:

Молись великой, славной,
Величиною равной
Всем водам, взятым вместе,
Текущим по земле.
Молись текущей мощно
От высоты Хукарья
До моря Ворукаша.
Из края в край волнуется
Все море Ворукаша
И волны в середине
Вздываются, когда
Свои вливает воды,
В него впадая, Ардви
Всей тысячью протоков
И тысячью озер.

(Авеста. Избранные гимны.)

Какая же река воспевается в Авесте под именем Ардви-Сура Анахита? Некоторые видят в ней Амударью, но эта река всегда мутна, а об Ардви-Суре говорится, что она прозрачна, чиста (“ана-хита”) и целебна. Значит, Амударья не подходит. Другие считают, что это Волга. Для этого есть много оснований – широта, изобилие вод.

обширнейшая дельта, а также факт нахождения истоков на горах. Но, хотя все это относится и к Северной Двине, никто не обратил внимания на два факта, "играющие" в пользу именно этой реки.

Во-первых, ее верхняя часть образуется из двух рек — Юга и Сухоны, откуда и ее название "Двина", что означает "двойная". Так же переводится и название "Ардви". Так почему же оно должно относиться к Волге? У Волги много притоков, но слияние двух потоков в один на коротком расстоянии не создают Волги. Так что название "Ардви-Сура", "двойная, сливающаяся (стекающая, текущая)", скорее всего совпадает с Северной Двиной (Рис. 11).

Во-вторых же, в яште 5 в Авесте говорится о некоем странном явлении: наряду с описаниями морозов, снега или града, вспаивающая воды Ардвиг-Суры, упоминается "одна протока Ардвиг, течет на семь каршваров, стекая равномерно и летом и зимой". У Волги нет протоки, которая не замерзала бы зимой, а вот у Северной Двины она есть — это река Емца, один из крупных притоков Двины, **не замерзающий зимой**, так как с его дна круглый год бьют источники, называемые здесь кипунами.

Если принимать во внимание изложенные доводы, то совпадение Ардвиг-Суры с Северной Двиной явится еще одним подтверждением арктической теории, определяющей Приполярье как древнейшую исходную территорию изначального формирования племен индоевропейцев и в их числе предков арьев и славян.

Ко всему этому можно добавить, что, находясь на 60 градусе северной широты, Северные Увалы не только являются главным водоразделом Русской равнины и границы севера и юга, но здесь уже можно наблюдать год, разграниченный на светлую и темную половину, можно видеть высоко, почти в зените Полярную звезду и Большую Медведицу, а спустившись к морю, и полярное сияние.

Здесь издавна добывали золото вплоть до XIX — начала XX века по реке Вишере, в верховьях Печоры. В Вологодской губернии золото отмечено в верховьях Шугоры и Илыча. В 1910 году в верховьях Илыча были открыты залежи свинцовой руды. Словарь Брокгауза и Ефрона сообщает, что берега и русла рек Меры, Волги (у Костромы), Унжи и их притоков изобилуют пиритом (золотой обманкой) настолько, что его хватает для промышленных разработок, и крестьяне в конце XIX века собирали вымываемые реками куски породы и отвозили их на местные заводы. Стекающая также с Северных Увалов на юг река Вурлам и ее притоки проносят свои воды в поймах, содержащих золотой песок. В районе приполярного Урала, Тиманского кряжа и Северных Увалов огромное количество полезных ископаемых, многие из которых были хорошо известны и использовались еще в глубокой древности. Реки, “текущие в золотых руслах”, и горы, “богатые драгоценными камнями”, — не миф, а реальность.

Таким образом таинственные священные горы арийских мифов, скифских преданий и рассказов античных писателей обрели вполне реальные очертания, так как практически все, что говорилось о Харе и Меру, Рипейских горах, можно соотнести с Северными Увалами и приполярным Уралом.

Среди всего, что было сказано о священных горах арьев (Рипейских горах скифов) и что мы пока не связали с Северными Увалами, осталась важная деталь — высота гор. Действительно, Хара, Меру и Рипейские горы описываются как очень высокие, высота же Северных Увалов (в отличие от Тимана и северного Урала) не превышает сейчас 500 метров над уровнем моря. Но здесь следует учесть такие моменты: описывая вершины Хары и Меру, древние певцы постоянно отмечали, что они покрыты лесом, изобилуют зверем и птицей, т.е. никак не могут быть очень высокими. Не стоит забывать и то обстоятельство, что низкое северное небо, специфическое положение солнца, а также то, что отсюда реки текли как

на юг, так и на север (реки текут сверху вниз, а не наоборот), все это свидетельствовало для древних наблюдателей об одном: земля к северу поднимается и здесь находятся самые высокие горы на земле.

Надо учитывать также, что высота горных массивов — это не нечто абсолютно стабильное, за тысячелетия возвышенности растут и опускаются. Стоит вспомнить, что целый континент — Антарктида — опустился под тяжестью льда на 900 метров. Скандинавский ледник был не меньше и с не меньшей силой давил на Европу, но здесь его давление уравнивалось подъемом сопредельных частей платформы. При таких условиях какова могла быть высота Северных Увалов, у западной оконечности которых ледник остановился?

Скандинавский ледовый щит окончательно растаял к VIII тысячелетию до н.э. и начался медленный подъем Скандинавии и опусканием Русского Севера, которые продолжаются и сейчас. Но процесс этот идет скачкообразно и у нас нет оснований сомневаться в том, что Северные Увалы в X-IX тысячелетиях до нашей эры были выше, чем в наши дни. И, наконец, в древних мифах говорится о том, что за горами Хара и Меру, на берегу Молочного моря находится счастливая страна, обладающая теплым климатом, свободная от холодных ветров и рождающая обильные плоды. В рощах и лесах именно этой страны, где солнце восходит и заходит раз в году, обитает счастливый народ. Именно в этой стране помещают Авеста, Ригведа и Мхабхарата землю своих предков, место обитания богов и героев.

Все это вместе взятое свидетельствует о том, что север действительно был для арьев священной древней прародиной, память о которой они сохранили в гимнах, молитвах и преданиях. Проходили тысячелетия, все дальше на юг и юго-восток, на запад и юго-запад расселялись пастухи и земледельцы. Ну, а север? Неужели все арьи покинули родную землю в поисках лучшей доли? Вероятно, нет!

Вглядитесь внимательно в карту севера Восточной Европы, в названия рек, озер, населенных пунктов. Все эти названия сохраняются в том случае, если остаются люди, которые помнят их. В противном случае приходит новое население и называет все по-новому. На Русском Севере по сей день можно встретить названия рек, явно связанные с санскритом, объясняемые только при помощи древнего языка арьев — санскрита (см. “Приложения”), также как и названия многих деревень и сел.

Именно в тех местах, где сохранились эти древние названия сел и деревень, в ткачестве и вышивке русских крестьянок до конца XIX — начала XX веков стойко сохранялась традиция древних геометрических орнаментов, которые можно найти в древнейших культурах Евразии VI-II тысячелетий до н.э. И прежде всего это те орнаменты, зачастую очень сложные и трудоемкие, которые были “визитной карточкой” арийской древности.

“Народ не помнит, чтоб когда-нибудь изобрел он свою мифологию, свой язык, свои законы, обычаи и обряды. Все эти национальные основы уже глубоко вошли в его нравственное бытие, как сама жизнь, пережитая им в течение многих доисторических веков, как прошедшее, на котором твердо покоится настоящий порядок вещей и все будущее развитие жизни. Поэтому все нравственные идеи для народа эпохи первобытной составляют его священное предание, великую родную старину, святой завет предков потомкам”. Эти слова выдающегося русского фольклориста XIX века В.И.Буслаева, произнесенные им на торжественном акте в Московском университете в 1859 году, не потеряли своей актуальности в наши дни.

И опускаясь в глубины тысячелетий в поисках ответов на вопрос, “Так что же это за священное предание, в чем этот священный завет предков потомкам?”, мы берем с собой, как путеводную нить, ту память прошлого, что сохранилась в наших песнях, былинах, в наших обрядах, ритуалах, поверьях, в языке и народном искусстве.

Русский язык обладает, по мнению ряда исследователей, при переводе Вед “рядом несомненных преимуществ перед западно-европейскими языками”. Эти преимущества связаны с лучшей сохранностью в русском архаизмов, чем в западных языках.

Один из крупнейших современных американских лингвистов П.Фридрих считает, что праславянский язык лучше всех других индоевропейских языков сохранил древнейшую индоевропейскую систему названий деревьев, из чего он делает вывод, что предки славян в общеславянский период жили в такой природно-климатической зоне, которая соответствует прародине индоевропейцев, и “после общеславянского периода носители различных славянских диалектов в существенной степени продолжали жить в подобной области”.

Арьи уходили к востоку и уносили с собой свои предания, сказки, мифы, верования, обряды, свои песни, танцы, своих древних богов. На новый для них земле, среди других народов они свято хранили память о своем прошлом, о своей прародительнице. Хранили свою и нашу память!

Низкий поклон вам, далекие братья и сестры, за то, что через тысячелетия пронесли вы нашу общую святыню, наше общее прошлое, нашу общую память! За то, что сохранили золотые ключи от ушедших времен, и сегодня, мы открываем ими сокровищницу прошлого своего народа. Нужно ли это нам? На этот вопрос ответил еще в 1911 году выдающийся исследователь Русского Севера А.Журавский: “В “детстве” человечества – основа для познания и направления грядущих путей человечества. В эпохах “детства России” – путь к познанию России, к контрольному познанию тех исторических явлений нашей современности, которые представляются нам фатально сложными и не подчиненными правящей воле народа, но корни которых просты и элементарны, как начальная клетка сложнейшего организма... И мы обязаны, всемерно воспользоваться опытами седого прошлого, и чем ближе к зародышам этого прошлого мы

поберемся, тем сознательнее, вернее и увереннее пойдём “вперед”... Именно история “детства человечества”, именно этнография поможет нам познать логические законы естественного прогресса и сознательно, а не слепо, идти “вперед” самим и двигать “вперед” свой народ, ибо этнография и история — пути к познанию того “прошлого”, без которого нельзя применить к познанию грядущего познание настоящего. “Человечество” состоит из “наций” и прежде всего логически необходимо, чтобы нация представляла собой определенное взаимное целое, чтобы она представлялась нам не в третьем лице множественного числа — “они”, а в первом — “мы”. Россия... не может познать себя без помощи познания корней своего прошлого; а не познав себя невозможно познать других и учесть свои положения среди других, как не исправив себя, невозможно исправить других... Погибли зародыши многих верований и идеалов — будем же искать их отпечатки на предметах, пока не погибли на веки и они. Это отнюдь не только “интересно” или “любопытно”, но и жизненно важно, необходимо.”

Нет, у нас не **тысячелетняя** история, как принято сейчас и писать и говорить только применительно к принятию христианства. Ведь до этого года наши предки не в пещерах жили и не в шкуры одевались. Не вдруг в европейском мире вошло в обиход слово Гардарика (“Страна городов”) как название Руси. На наших землях были эти города, и не в один день они родились, а складывались и развивались в течении многих веков, т.к. город — это не просто скопище домов, а и уклад жизни. сложившиеся производственные отношения, централизация торгово-экономических связей и место сосредоточения социальных структур, складывавшихся на протяжении многих веков.

Князь Олег Новгородский, захватив в 885 году власть в Киеве и объединив вокруг этого центра Русь, ходил войной на Царьград, столицу Византии, и поставил эту империю на колени. А в начале X-го века князь Игорь, сын Рюрика, послал на хазар, старавшихся пода-

вить Русь, 500 кораблей, имевших на борту по 100 человек. И они с боями дошли до юга Каспийского моря. Этой Руси боялись другие народы, с ней считались, ей платили дань. Такая сила и единство складывались задолго до христианства, а, значит, и история наша неисчислимо древней.

В города Руси стекались товары, производимые жителями деревень — горожанам требовались не только продукты питания или строительные материалы, но и вещи, производимые ремесленниками, — ткани, изделия из глины и металла. Сами города становились центрами производства многих товаров и особенно предметов роскоши для растущей прослойки знати.

Судя по данным, полученным при многочисленных раскопках, и тщательно обработанным археологами, славяне издревле вели меновую торговлю с другими странами, а это требовало роста квалификации людей, занятых в любой отрасли производства. Городища, зародыши городов древних славян были известны и в восточных странах: о том, что их давно знали арабы и персы упоминается в трудах Абу Рейхана Бируни (X век) и Ибн Фадлана (IX-X века). Последний описывает приход на Итиль (на Волгу) торговцев-русов и говорит об их кораблях, оружии, цепях-украшениях из драгоценных металлов, жемчужных и бисерных ожерельях, а также о больших деревянных домах, которые они по приезде сразу строят на берегу и живут в них по 10-20 человек с женами и невольницами; он пишет и о том, что русы знали деньги и в это время уже продавали, а не только меняли свои товары; описывает он и их идолов и обряд сжигания покойников, при котором жену убивают (или она убивает себя) и сжигают вместе с телом мужа (обратим здесь внимание на то, что в древнеиндийской литературе описан аналогичный обряд, который в Индии дождался XIX-XX веков); говорится, что “короли русские обыкновенно держат при себе в своем замке или городке 400 храбрейших воинов (дружину)... Сии 400 сидят внизу на большом диване Королевском, украшенном драгоценными камнями-

ми..., у него (Короля или Князя) есть наместник, который предводительствует войском..."

Все эти данные излагает и Н.М.Карамзин в книге *"История государства Российского"* (т. 1, с. 316 -319). Так какое же начало государственности, да и вообще истории нашей можно датировать всего лишь одним тысячелетием? Были города, было сословное расслоение, были исторические традиции, и все это складывалось в гораздо более древние эпохи.

Так вот, в этих городах русов с большими деревянными домами развивались, повторяем, художественные ремесла, уходящие своими истоками в незапамятные времена. Постепенно, в ходе веков, менялась, совершенствуясь, технология, но темы изображений, рисунки и знаки, наносимые на предметы ремесла, охранялись традицией. Их не изменяли, потому что все они несли смысловую нагрузку, имели определенное значение, часто магическое, заклинательное, и были отражением понятий о жизни и смерти, о приобретении потомства, о сохранении имущества, размножении скота, вызревании урожая. Было страшно их изменять, так как магия играла ведущую роль в верованиях язычников, и эти рисунки и знаки должны были свято сохраняться, о чем говорит хотя бы тот простой факт, что они дожили в народном искусстве до наших дней.

Сюжетный язык, язык символов, в этом искусстве вызвал к себе повышенный интерес, но главное внимание в работах ученых уделяется выявлению и объяснению изображений женского и мужского божества, находимых даже в поздних русских вышивках - это явный пережиток язычества. Интересно то, что такое женское божество (а возможно это и молящаяся женщина) почти в точности повторяется и в русских вышивках и на индийских тканях и ритуальных предметах, что не является просто случайностью. В русских и других славянских вышивках издревле существует много геометрических мотивов, которые наряду с другими темами тоже уводят нас в глубокую

древность, а значит по ним можно проследить некоторые линии истории.

Русская народная вышивка уже более столетия привлекает к себе внимание исследователей. Еще в конце прошлого века сформировался ряд блестящих коллекций этого вида народного искусства и были сделаны первые попытки прочтения сложных "сюжетных" композиций, особенно характерных для народных традиций Русского Севера.

Появилось немало интересных работ, посвященных анализу сюжетно-символического языка, особенностей техники и региональных различий в русской народной вышивке. Однако, основное внимание в большинстве этих работ уделяется антропоморфным и зооморфным изображениям, архаичным трехчастным композициям, включающим в себя, как уже сказано, стилизованный и трансформированный образ человека – женского (чаще) или мужского (реже) дохристианского божества (рис. 12).

Несколько особняком стоят геометрические мотивы северорусской вышивки, сопровождающие, как правило, основные развернутые сюжетные композиции, хотя очень часто в оформлении полотенец, поясов, подолов, зарукавий и плечей рубах именно геометрические мотивы бывают основными и единственными, чем они крайне важны для исследователей. Кстати, и анализ узоров местных традиционных кружев заслуживает тоже большого внимания с этой точки зрения.

Об архаическом геометризме в русском орнаментальном творчестве и о необходимости его тщательного изучения неоднократно писал академик Б.А.Рыбаков. И в его работах 60-70-х годов, и впервые в вышедшем в свете в 1961 году его глубоком труде о язычестве древних славян красной нитью проходит мысль о неизмеримых глубинах народной памяти, консервирующей в себе и приносящий через века в образах вышивки, резьбы по дереву, игрушки и т.п. древнейшие мировоззренческие схемы,

уходящие своими корнями в неизведанно далекие тысячелетия.

Очень ценны в этом плане коллекции музея Русского Севера, т.е. мест, где, можно сказать, извечная отдаленность от государственных центров, а также относительно мирное существование (Вологодчина, например, в своей северо-восточной части практически не знала войн), обилие лесов и защищенность многих населенных пунктов болотами и бездорожьем, — все это способствовало сохранению в течение неизмеримого ряда веков древнейших форм быта и хозяйства, бережного отношения к вере отцов и дедов, и, как прямое следствие этого, сбережению древнейшей символики, закодированной в орнаментах вышивок, в узорах тканей и кружев.

Особый интерес представляют вышивки, “дожившие” до рубежа XIX-XX веков, которые происходят из северо-восточных районов Вологодской и соседних районов Архангельской областей. Многие ученые писали о том, что это были земли финно-угорских племен, но данные топонимики свидетельствуют совсем о другом — подавляющую часть топонимов здесь составляют славянские, причем многие из них очень архаичны. Так, в Тарногском районе Вологодской области **из 137 населенных пунктов**, как больших, так и малых, **только 6** имеют выраженные финно-угорские названия. Именно в этих районах наилучшей сохранностью обладают традиции орнаментальных схем древнейшего, как мы ниже проследим, происхождения.

Орнаментальные композиции, о которых пойдет речь и которые воспроизводились в вологодских вышивках вплоть до 30-х годов, украшали лишь сакрально отмеченные вещи. Очень точно говорит об этом процессе Б.А.Рыбаков: “Отложение в вышивке очень ранних пластов человеческого религиозного мышления... объясняется ритуальным характером тех предметов, которые покрывались вышитым узором... Таковы подвенечные кокошники невест, рубахи, накидки на свадебные повозки и многое другое. Специально ритуальным предметом, давно обосо-

бывшимся от своего бытового двойника, было полотенце с богатой и сложной вышивкой. На полотенце подносили хлеб-соль, полотенца служили вожжами свадебного поезда, на полотенцах несли гроб с покойником и опускали его в могилу. Полотенцами увешивали красный угол, на полотенце "набожники" помещали иконы". (*Язычество древних славян*. с. 471)

Именно такие сакральные орнаменты и представлены в краеведческом музее Вологды и они в дальнейшем будут основным сравнительным материалом в нашей попытке выявления орнаментальных параллелей между древнейшими узорами северорусской вышивки и орнаментами, созданными теми народами, которые жили позднее в различные исторические эпохи на обширных территориях Евразийских степей и лесостепи и говорили на индоевропейских языках, в том числе на тех, что относятся к индоязычным и ираноязычным ветвям праиндоиранского языка (или объединяемого им некоего числа диалектов племен, вошедших в науку под общим названием арьев).

Итак, одним из древнейших мотивов орнаментов геометрического типа являлся у народов Евразии ромб или ромбический меандр (меандр многие объясняли как условное изображение верхушки волны, заворачивающейся под прямыми углами). Меандр находят даже на вещах, датируемых палеолитом, например, на различных костяных изделиях, найденных на стоянке Мезина на Черниговщине. Палеонтолог В.Бибикова в 1965 году предположила, что меандровая спираль, разорванные полосы меандра и ромбические меандры на предметах со стоянки Мезин возникли как повтор естественного рисунка дентина мамонтовых бивней (статья "*О происхождении мезинского палеолитического орнамента*"). Из этого она сделала вывод, что подобный орнамент для людей той эпохи был своеобразным символом мамонта, основного объекта охоты. Это могло иметь и магическое заклинательное значение, направленное на успех охоты,

и в то же время отражать в себе представления людей о достатке.

Узор меандра в разных его сочетаниях и модификациях продолжает существовать на протяжении многих тысячелетий, распространяясь все шире среди соседствующих индоевропейских народов и расходясь за пределы их территорий в процессе передвижений арьев на юго-восток. Его как символ удачи и своеобразный оберег от несчастья мы встречаем на культовых предметах и на керамике (т.е. на очень важных для жизни людей хранилищах пищи и питья) и в более поздних культурах.

Следует указать, что уже на костяных изделиях упомянутой Мезинской стоянки можно проследить как из полосы двойного меандра, изображенного в движении справа налево, вырастают очертания свастики – еще одного характернейшего для всех индоевропейцев орнамента. Этот элемент изображается и в своем основном виде – в форме креста с загнутыми под прямым углом концами, и будучи усложненным новыми элементами в виде дополнительных отростков.

Свастика заняла в орнаменте одно из ведущих мест. Это слово санскритское, и на других языках у него никаких иных названий нет. Оно состоит из двух частей: “су” – хороший, счастливый и “асти” – есть (третье лицо единственного числа от глагола “быть”); по правилам грамматики “у” перед гласным “а” заменяется на “в” и получается “свасти”, к которому добавлен суффикс “к” и окончание “а”: свастика. Этот знак означает “дарующий все хорошее, приносящий счастье”. Если в четырех его “отделах” поместить по точке, то это будет символ засеянного поля и одновременно мольба о хорошем урожае.

Кстати, если две свастики наложить одна на другую с поворотом верхней на 45 градусов, то получится древнеславянский знак солнца “коловрат”, т.е. вращающееся колесо (коло), имеющий восемь спиц с загнутыми по часовой стрелке концами.

Знаком свастики, начиная с глубокой древности, у предков славян и арьев стал обозначаться свет, солнце

как источник жизни и процветания. Этот знак прослеживается от Архангельска до земель Индии, где он виден повсеместно — им украшают храмы, дома, одежду и обязательно многие предметы, связанные со свадьбой (рис. 13-13а).

До сих пор возмущает людей безобразное использование свастики немецкими фашистами, которые во что бы то ни стало стремились уподобить себя арьям (“арийцам”), приписывая этим древним племенам скотоводов, а затем и скотоводов-земледельцев, черты каких-то дьявольских завоевателей. Скверно при этом выглядит и спекуляция на сравнительно небольшом количестве сходных слов в немецком и санскрите — таких слов гораздо больше в славянских языках. Все предки индоевропейских народов выработали в глубочайшей древности в процессе исторических контактов некий объем сходной лексики, но предки германцев и других европейских народов относились к западной группе индоевропейцев, тогда как предки славян и арьев — к восточной, гораздо более взаимно близкой. Так называемую арийскую свастику можно и по сей час видеть в ремесленных произведениях славян, особенно северных: ею украшено множество произведений народного искусства, включая узорно вывязанные варежки (читатели могут увидеть это в журнале “Слово” № 10, 1992).

Своеобразной трансформацией мотива меандра представляется характерный для керамики Триполья орнамент, состоящий из так называемых “гуськов”.

В целом можно определить тот круг орнаментальных основных мотивов, с которыми, ориентируясь на Триполье, как на некий их свод, мы будем сравнивать материалы последующих культур. Это — меандр и его разновидности, меандроидная спираль, сложнопрорисованный крест, свастика, “гуськи” (рис. 14).

В поисках ближайших по времени аналогий мы, естественно, обратимся к керамическим комплексам тех культур, которые с различными временными интервалами существовали на территории Восточной Европы и

Урала с приуральскими землями. Традиции орнамента-ции керамики, включающей в себя удивительное разно-образие вариантов меандрового и свастического мотивов, мы встречаем у ближайших соседей "срубников" — насе-ления андроновской культуры, созданной индоиранцами и генетически связанной со срубной. Эти две культуры существовали в течение длительного периода на весьма обширных территориях степной и лесостепной зоны на-шей страны.

Мы имеем все основания говорить и о распро-странении среди славян, а, точнее, восточных славян, описываемых здесь орнаментальных схем. Как и во всем андроновском орнаменте, в северорусской народной вы-шивке и браном ткачестве, композиция делится на три горизонтальные зоны, причем верхняя и нижняя зача-стую дублируют одна другую, а средняя несет на себе важнейшие с их точки зрения по значимости узоры. Мы не знаем, каковы были формы орнаментов на вещах, из-готовлявшихся людьми в эпоху древнейшего индо-иранского (общеарийского) единства, но полагаем, что описываемые элементы орнаментальных узоров вряд ли родились в одночасье в сознании тех же андроновцев, а уходят своими корнями в генетически связанную с ними культуру их общих предков.

Упомянутая средняя полоса горизонтальной ком-позиции может нести на себе последовательные во вре-мени для разных культур самые разнообразные из числа указанных элементов орнамента, которые абсолютно идентичны северорусским, трипольским и гораздо более восточным и юго-восточным культурам. Особенно ин-тересна правомерность подобных аналогий, прослежи-ваемая в археологических восточнославянских материа-лах. Например, найденная в Новгороде в 60-х годах пря-жа в форме сложнопрочерченных крестов, датированная серединой XIII века, нашла повторение своего узора в вышивке, недавно выполненной на полотенце вологод-ской крестьянкой. Опубликованная Г.Поляковой находка шиферного пряслица на славянском поселении недалеко

от Рязани, которое датируется XI–XIII веками, интересна тем, что на пряслице процарапан рисунок в виде шести-конечного православного креста, окруженными меандровыми спиралями и свастическими мотивами.

Подобные примеры можно было бы и еще продолжать. Нам же остается констатировать следующее: сходные орнаменты могут вне взаимной связи возникать у разных народов, но трудно поверить в то, что у народов, разделенных тысячекилометровыми расстояниями и тысячелетиями — если только эти народы не связаны этногенетически — могут совершенно независимо друг от друга появляться столь сложные орнаментальные композиции, повторяющиеся даже в мельчайших деталях, да еще и выполняющие один и те же функции: оберегов и знаков принадлежности к семье или роду.

Невозможно отрицать неизбежность возникновение этногенетических связей между древнейшими предками индоиранских племен и выделившимися из их общности индоязычной и ираноязычной ветвями, а, соответственно, и теми этносами, которые складывались в тесной близости с ними в течение тысячелетий, вплоть до сложения обширных и близких по своей культуре срубной и андроновской общностей.

При их сложении должен был протекать и процесс их частичного распада, выразившийся в переселении отдельных племен или даже их групп как на запад, так и на восток. Уход арьев, например, завершился, как признано наукой, ко второй половине II тысячелетия до н.э. Территориально близкие им в течение столь долгого времени предки славян частично переселились на запад, образовав группы, известные под названием западных славян, а главный массив, именуемый восточными славянами, осел на землях Восточной Европы.

Уходя на восток и юг, племена арьев уносили с собой традиционные формы культуры — сложившиеся навыки производства, типы орнаментов (и осмысление отражаемой в них символики), обычаи и веропредставления.

На своем пути в Индию и Иран, арии вступали в контакты с народами стран, через которые они проходили, поселяясь там на разные отрезки времени и частично смешивались с этим населением. Поэтому для нас здесь интересны и те мотивы узоров, близкие к древнеславянским, которые выявляются у народов, живущих, например, на Кавказе или в Средней Азии (хотя следует помнить, что за Уралом и до Афганистана часть земель входила в ареал андроновской культуры и ранее).

К сожалению, ученые стали проследживать в своих трудах лишь в последние 25-30 лет расовые, языковые, культурные и другие ария-славянские параллели, а такие исследования значительно расширяют границы наших знаний о нашем собственном прошлом.

Мы здесь воздерживаемся от далеко идущих выводов, и лишь отметим в заключение, что рамки данного анализа ограничены пределами приполярной, степной и лесостепной зоны нашей страны. Несомненно, привлечение индийских и иранских материалов значительно расширило бы эти рамки.

По нашему глубокому убеждению, не следует так упорно замалчивать далее гипотезу индийского историка Б.Тилака о вероятности наиболее древнего объединения предков ариев (еще в ту далекую эпоху их общей индоираноязычности, признаваемой изначальной формой существования их общности) в родоплеменные и племенные союзы именно в приполярных областях. Не только возможность, но полную вероятность этого факта он убедительно доказывает множеством описаний арктической природы, сохранившихся в памятниках древнеиндийской литературы.

Древнейшие же предки славян, судя по множеству сближений различных сторон истоков их культуры с древнеарийскими, а затем и с культурой народов Евразийских степей, носителей индоевропейских языков (как, например, андроновцев, некогда выделившихся из индоиранской общины), по всей видимости были столь близки ариям, что передали своим потомкам и много общих

элементов языка и общие мотивы орнаментов. И язык, и орнаменты были средствами взаимного общения и доказательствами генетической близости, а возможно и знаками членства, вхождения в одни и те же роды, в одни и те же племена.

В качестве завершения своей статьи хочу предложить вниманию читателей ряд вызывающих интерес сопоставлений названий рек (гидронимов) нашего Севера и возможных древних корней этих названий, обнаруживаемых в санскрите.

Здесь выявляются не только явные фонетические созвучия, но, главное, смысловые совпадения, еще раз с очевидностью подчеркивающие справедливость исходных положений арктической теории. Привожу лишь часть данных, взятых из карт дореволюционных изданий, отличающихся особой детализацией материалов, и не меняю старых названий губерний и уездов того времени. (См. Приложение III.)

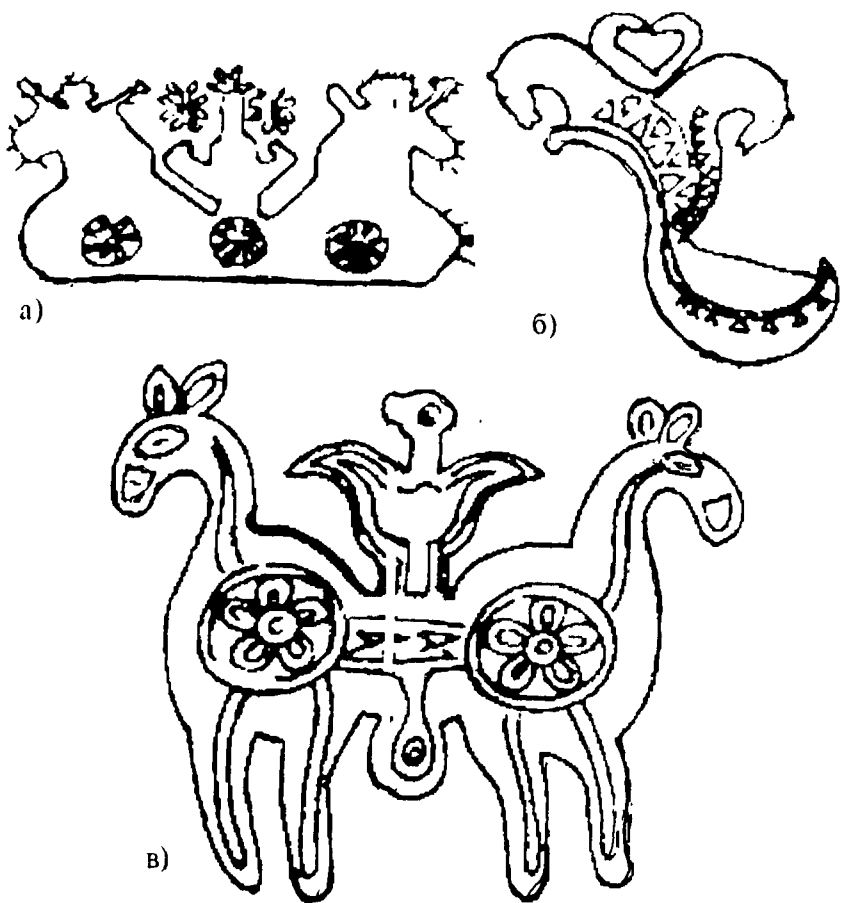

Рис. 10.

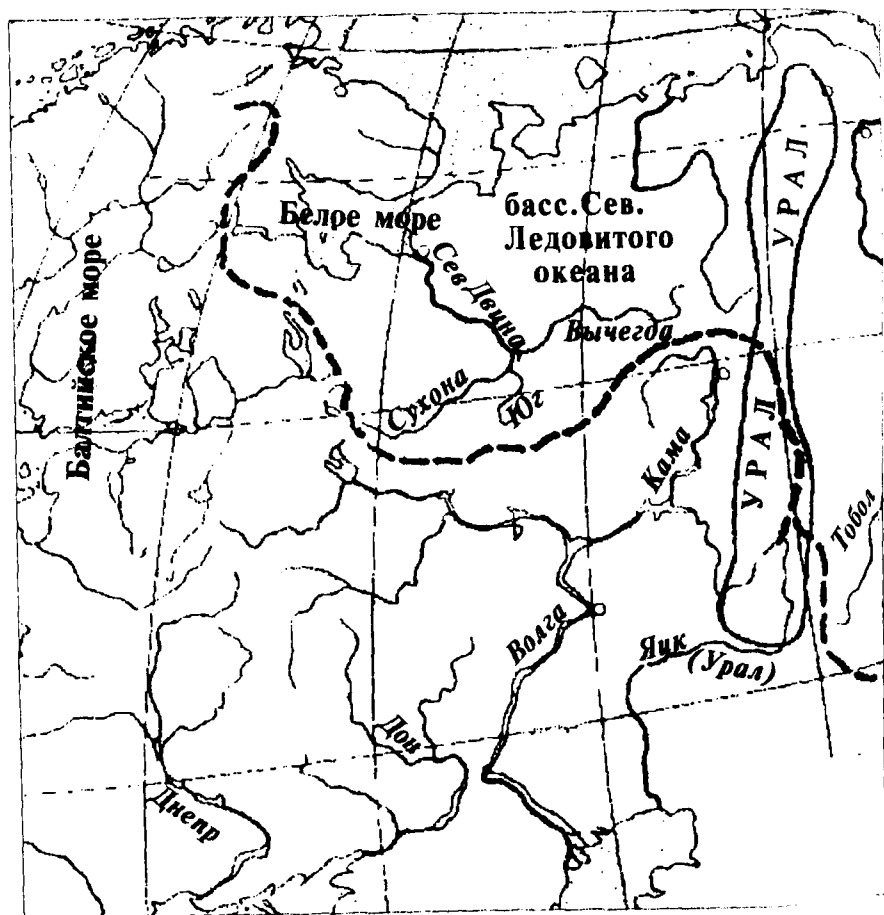

Рис. 11.

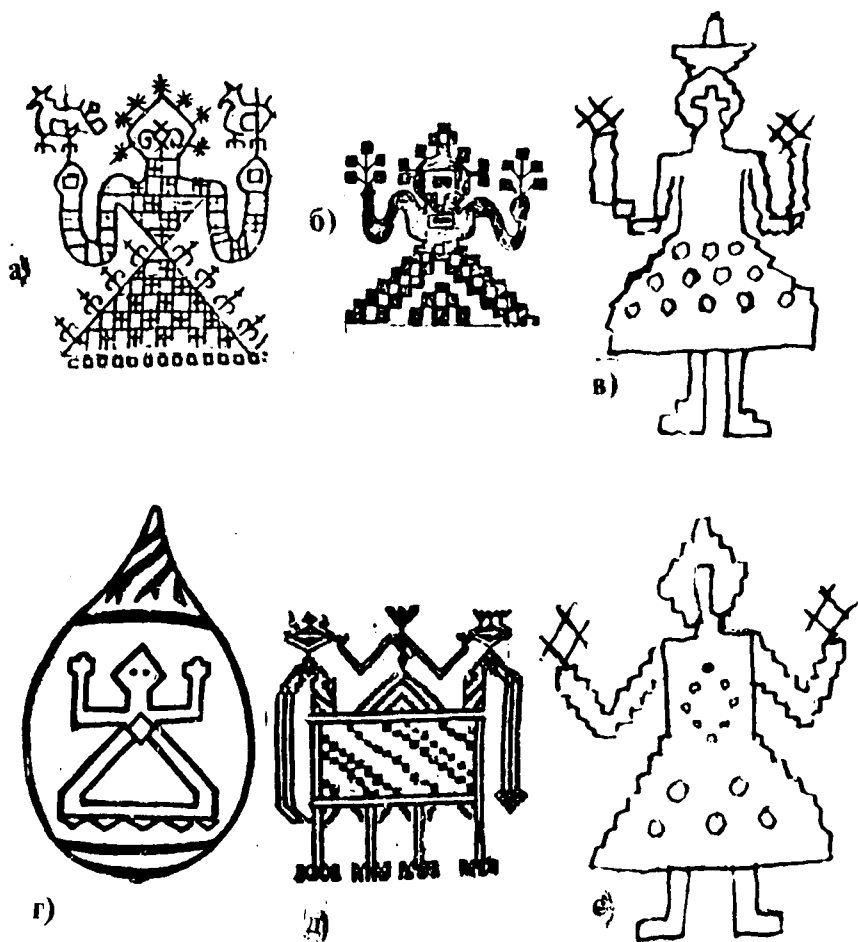

Рис. 12.

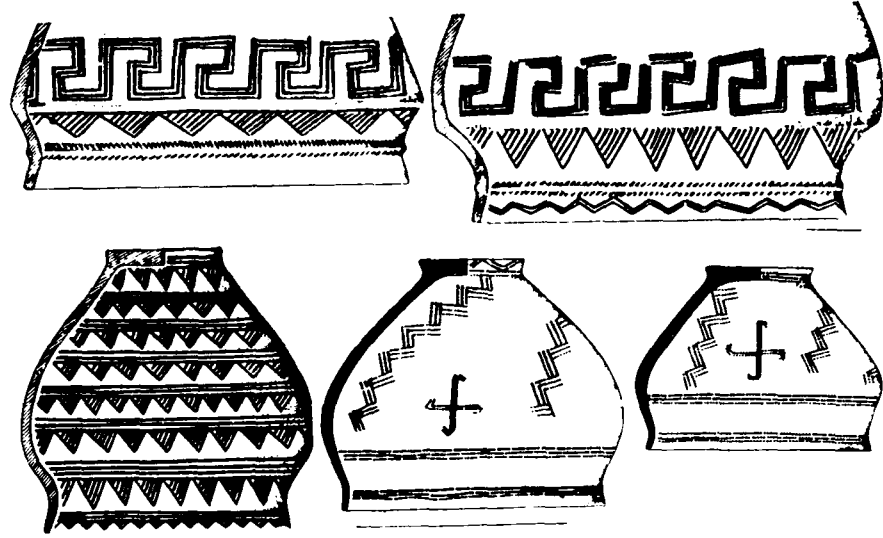

Рис. 14.